

ют и правят,
сидят
илий.

ьная

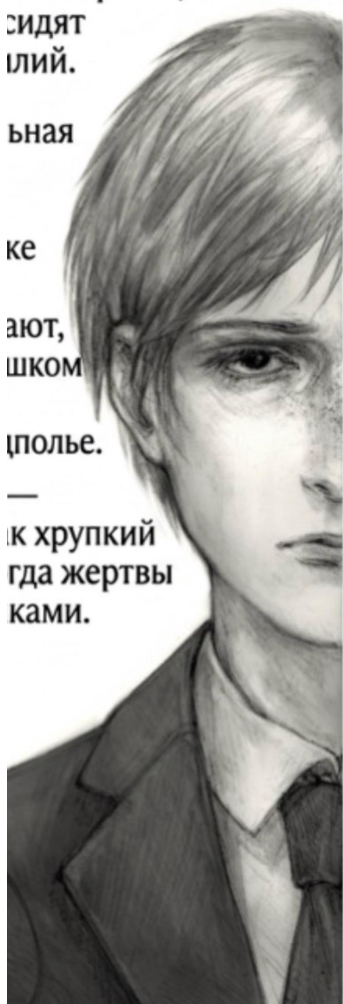
ке

ают,
шжом

цполье.

—
к хрупкий
гда жертвы
ками.

Офисный Реквием

kxinny kxinny

Офисный Реквием

<https://litres.ru/74634903>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир, где женщины работают и правят, а мужчины носят платки, сидят с детьми и не имеют фамилий. Мария Пэшонпит — идеальная добытчица: добрая, талантливая, верная. Но после повышения в банке она начинает замечать странности: коллеги исчезают, начальница становится слишком любезной, а муж приносит домой слухи о мужском подполье. «Офисный реквием» — антиутопия о том, как хрупкий порядок рушится, когда жертвы решают стать хищниками.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

kxinny

Офисный Реквием

Глава 1

Здесь никогда не видно солнца, лишь туман покрывает тусклое белое небо. Наверное, это отражает чувства большинства людей, живущих в Милворде. Ничего не отличает этот округ от других пяти: Скотворда, Бимворда, Хитворда и Филлворда. Все в этом мире одинаково и тускло, как и в душах все живых созданий на их трудолюбивой и необъятной земле.

Все считали меня странной. Я никогда не понимала за что. За то, что я слишком добрая для этого мира? Но ведь доброта есть в любом человеке, а если во мне чуточку больше, тогда зачем же принижать меня?

С этой мыслью я просыпаюсь каждый день, но потом успокаиваюсь, ведь снова приходится идти на работу. Я постоянно работаю, но когда устаю, то вспоминаю о моей любимой семье и иду дальше. всегда иду дальше. Все в нашем мире зависит от работы и от твоего положения там. Я и моя семья

переехала в другой район, так как меня перевели в другое отделение. в главный банк, на должность фронт-офис.

Будильник прозвенел в 7:30, Кайн ещё лежит рядом со мной на кровати, уткнувшись носом в подушку. Я улыбнулась и ласково потрепала его каштановые волосы, после чего встала и по-кошачьи потянулась. вид из окна за ночь не поменялся. да и с переездом почти ничего не изменилось. все в нашем мире однообразно. но на всякий случай я все же подошла к панорамному окну.

Серое утро медленно стекало по стеклянным стенам города, словно кто-то разлил по небу разбавленную тушь. Высокие здания стояли вплотную друг к другу, как молчаливые свидетели, погруженные в густой туман. Он скрывал их вершины, будто небо решило не пускать их дальше, оставив застывшими на полпути к облакам.

Белые фасады казались почти безжизненными — ряды одинаковых окон, как пустые глаза, смотрели в никуда. Ни движения, ни цвета — только мягкий, холодный свет, в котором всё теряло границы. Город будто замер, затаил дыхание, укутанный в влажную пелену.

Где-то внизу, за пределами видимости, вероятно, текла обычная жизнь — машины, люди, спешка. Но здесь, на высоте, (мы, к слову, жили на двадцать втором этаже) всё казалось оторванным от времени. Только туман медленно двигался, обнимая здания, как старый призрак, который не может покинуть это место.

И в этой тишине было что-то странно успокаивающее — как будто мир на мгновение перестал требовать чего-либо и просто позволил себе быть.

Я прошла к зеркалу и поправила волосы. Передо мной стояла невысокая девушка с мягкими, почти акварельными чертами лица. Её кожа светлая, гладкая, с едва заметным румянцем, как утренний свет, коснувшийся щёк. Длинные волосы тёплого русого оттенка свободно спадают по плечам, переливаясь мягким блеском в приглушенном свете комнаты. На носу и щеках рассыпались яркие веснушки, которые предавали той девушке шарма и некой доброты. Глаза большие, карие, на данный момент сонные. Их обрамляли русые, в такт волосам, ресницы, что делали взгляд обаятельнее.

Я схватила с белого комода резинку, завязала волосы и отправилась на кухню. Кайн вчера вечером приготовил мне и детям овсянку, а сам сэкономил для себя еду. Какой же он все-таки хорошенький у меня. Эти мысли вызвали у меня легкую улыбку, подняли мотивацию на утро.

Я взяла с полки холодильника стеклянную миску, ложку из выдвижного ящика и села за стол. Как же я обожаю еду Кайна! Это их в приютах учат так хорошо готовить?

Полностью собравшись, я вышла из подъезда. На тротуарах уже стояли девушки в таких же деловых костюмах, как и я. Это наше утреннее построение. Ровно в 08:30 прозвучит сигнал и все смогут пойти на работу. До начала ещё минута,

но все уже на местах. Я быстрым шагом прошла к своему месту, рядом с невысокой смуглой брюнеткой. Это моя лучшая подруга — Лиса. Мы с ней учились в школе, росли вместе.

— Ну что, сегодня первый день в банке? — с улыбкой спросила Лиса. Сама она работает агрономом.

— Да, страшновато, — на выдохе сказала я и приобняла подругу. — говорят, что там достаточно строго

— Ну-ну! Про твою прошлую работу тоже говорили «строго». А итог? Все делали что хотели. Уверена, тут будет также. Это только на бумажке мы все дисциплинированы, чтобы госпожа Уотсон порадовала свой золотой глаз.

— Ну хватит, Уотсон хорошая мер.

— Такая же хорошая, как если бы я работала на заводе.

Я хихикнула, но ответить не успела. Лисе нужно было ехать на окраину города на монорельсах, а мне идти прямо пару минут.

— Встретимся вечером? — спросила Лиса и ухмыльнулась.

— Конечно, — я чмокнула её в лоб и поспешила в банк.

Серые, набухшие тучи, словно тяжелое ватное одеяло, давили на город с самого утра, предвещая еще один бесконечный пасмурный день. Мой путь лежал через набережную, где море, казалось, решило показать свой суровый нрав: свинцово-серые, беспокойные волны яростно накатывали на бетонный волнорез, рассыпаясь фонтанами брызг, которые жадно впитывались в пористую поверхность. Ветер, пропитан-

ный солью и холодом, казался осязаемым, он заставлял меня плотнее закутываться в пиджак, а вдали, едва различимый сквозь плотную пелену тумана, смутно вырисовывался очертаниями небольшой островок, как призрак прошлого. Этот туман, густой и тягучий, словно туманный саван, не покидал меня и на пешеходной дорожке, ведущей через мост к зданию банка: видимость была почти нулевая, лишь одинокие, размытые силуэты редких прохожих появлялись из ниоткуда и так же быстро исчезали, а унылые, белые дорожные знаки на металлических столбах, словно застывшие в ожидании, стояли, окутанные белесым туманом, который, казалось, поглощал все звуки и краски, делая мир вокруг нее призрачным и нереальным.

Наконец я увидела банк. Это гигантское здание кажется живым, непрерывно растущим организмом, который десятилетиями пожирал сам себя, хаотично выбрасывая наружу все новые и новые отростки-пристройки. В его основе угадывается когда-то строгая, цилиндрическая башня, но теперь ее первоначальный облик почти погребен под лавиной бетонных коробок, консолей и жилых ячеек, которые цепляются друг за друга в отчаянной попытке удержаться на отвесной стене. Тысячи мелких квадратных окон, словно пустые безразличные глаза, устремлены в блеклое небо, а фасад, испещренный потеками сырости, следами копоти и сеткой трещин, напоминает кожу древнего, измученного исполина. По всему периметру банка тянутся хаотичные сплетения ком-

муникаций, шпили антенн, строительные леса и выцветшие вывески, говорящие о бурной, муравейниковой жизни внутри. По моей коже пробежали мурашки. Было и волнительно, и страшно, но глубоко вдохнув я сделала шаг и наконец вышла из тумана в тусклый минималистичный коридор здания.

Я огляделась и сориентировалась по табличкам: чтобы попасть в кабинет к директрисе, мне нужно доехать до двадцать первого этажа, пройти прямо и на развилке повернуть направо. Руки стало трясти от волнения, а в голову полезли путающиеся мысли. Я встряхнула голову и отправилась к лифту. Дверь моментально открылась и я зашла в небольшую комнату с зеркалом и кнопками, на которых были указаны числа от -1 до 21. Я нажала последнее число и лифт, скрипя, закрылся и тронулся.

Мое уединение длилось недолго, ведь на шестом этаже дверь открылась и ко мне в лифт зашла девушка среднего роста, примерно двадцати семи лет, в идентичном моему костюме. У неё короткое черное классическое каре с челкой. Волосы явно крашены. Густые и без того ресницы были накрашены черной тушью, а губы довольно вульгарно выделены помадой. Когда девушка зашла в лифт, моментально запахло вишневыми сигаретами и горьким кофе. Я скривила лицо, запах слишком сильно ударил в лицо. Но дама вероятно не заметила этого и так же, как и я, нажала на 21 этаж.

Оказалось, что наши пути совпали: мы обе шли в каби-

нет к директрисе. И я явно ей не понравилась, так как она лишь высокомерно оценила меня на выходе из лифта. Путь остановился перед дверью с надписью: «директриса главного банка Милворда: Таэлин Люттер». Девушка опередила меня и первая постучала в дверь, получив почти мгновенный ответ. Я же, растерялась и не поняла стоит ли проходить.

— Ну что ж Вы стоите? Проходите, девушка! — крикнул низкий женский голос из кабинета.

Я вздрогнула, но прошла в кабинет. Передо мной за столом сидела высокая брюнетка. У неё темно-карие строгие глаза, вздернутый нос, тонкие губы, острые черты лица. Но Таэлин имела одну очень запоминающуюся примету: у неё две симметричные родинки под глазами, будто слезы. Хотя так по ней и не скажешь: сейчас она лукаво улыбалась, поправляя овальные черные очки.

— Итак, Вас перевели в наше отделение в качестве повышения, — начала Люттер, взяв в руки бумажку с моей анкетой. — Мария Пэшонпит, двадцать пять лет, профильное экономическое образование в ГЭУМ (главный экономический университет Милворда). Мария... Как в библиии.

В этом мире пророчество говорит о рождении великой спасительницы — Марии, дочери простой плотницы. пока её муж Иисус живет тихо и мечтает о детях. Однажды к Иисусу является ангел и сообщает, что его жена родит ребёнка, который изменит мир. Мария вырастает сильной и мудрой

женщиной. Она путешествует по городам, учит людей справедливости, помогает бедным и выступает против жестоких правителей. За ней идут ученики-женщины, которые записывают её слова. Многие женщины-властительницы боятся влияния Марии и приказывают схватить её. После суда её казнят, но через три дня она возвращается к своим ученикам, доказав, что дух и истина сильнее страха и власти.

После этого учение Мария распространяется по всему миру, а Иисус становится символом отцовской силы.

— Да, это я..., — тихо сказала я, все ещё волнуясь.

— А вы, Ева Пресли, — Таэлин ухмыльнулась. — пришли на пробный срок, прошли онлайн собеседование, вам двадцать восемь лет и вы закончили университет Лили Форт. Раньше работали в бухгалтерии. В течение трех недель вы будете работать на бухгалтерском учете кредитной организации. Ваше имя тоже из библии?

Ева — самый первый человек, созданная богиней. Из ребра Евы произошел Адам. Они жили в Эдемском саду. Людям было позволено есть плоды с любых деревьев в саду, кроме одного — Древа познания добра и зла. Вкушение этого плода было строго запрещено под страхом смерти. Змей, олицетворяющий сатану, хитростью убедил Адама нарушить запрет, заявив, что они не умрут, а станут «как боги, знающие добро и зло». Адам попробовал запретный плод и дал его Еве. Они оба ослушались Божьего повеления, после чего осознали свою наготу и устыдились. Богиня призвал лю-

дей к ответу. Они попытались оправдаться, но были вынесены приговоры, изменившие ход человеческой истории: змей был проклят, мужчина обрел зависимость от жены, а земля была проклята, из-за чего женщине предстояло добывать пищу тяжелым трудом.

— Да, всё так, — но один мускул на лице Евы не дрогнул, сказала как отрезала.

— Замечательно, — директриса подровняла бумаги о стол и снова перевела взгляд на нас. — Тогда Мария Пэшонпит отправляется на четвёртый этаж, отделение номер 018. Ирма проведет Вам небольшой конструктор. А Вы, Ева, отправляетесь на 9 этаж, отделение 052. Там Вас встретят.

Я кивнула и поспешила к лифту. Это место было не таким комфортным, как моя прошлая работа. Это огромное здание будто физически надавливала на мои плечи, делая меня меньше, чем есть. Ужасное чувство.

Ева вышла на девятом этаже, а я спустилась на четвертый. Передо мной был длинный коридор с множеством дверей, я нашла отделение номер 018 и толкнула дверь. я увидела просторный офис, где сотрудники работают в общем зале, но отделены друг от друга перегородками. Это называется open space (открытое пространство) с элементами зонирования.

Не успела я пройти, как только ко мне подскочила высокая симпатичная девушка. У неё каштановые волосы с легким оттенком рыжего, милая кудрявая челка на лбу и пучок сзади. Две волнистые пряди прикрывают виски. У неё оваль-

ное лицо, карие глаза с выразительными ресницами, тонкие губы и чуть вздернутый нос. Как я поняла, это та самая Ирма.

— Мария, здравствуйте! — Ирма вежливо улыбнулась, протягивая руку для пожатия. Я выжала улыбку в ответ и сжала её ладонь. — Рада видеть новое лицо в нашем коллективе! Давайте я покажу Вам ваше рабочее место.

— Хорошо, — мой голос был более хриплым, чем я думала. Проиигнорировав некое неудобство, я последовала за брjunеткой.

Мы остановились за обычным чистым столом, с квадратным компьютером, напротив окна. Мой стол был на краю, поэтому соседка у меня была одна, и только слева.

— Итак, для начала Вы можете просто ознакомиться с интерфейсом компьютера. В папке «12556.plan» список клиентов, которые придут в этот день. Он ежедневно обновляется самой директрисой. На Вашу почту Вам будут приходить задания. В один день Вы будете отвечать за звонки (телефон находится в выдвижном ящике стола), а в другой работать с клиентами вживую, направлять их и решать проблемы. В прицепе, все как на вашей пошлой работе, только клиентов побольше, ха-ха.

Я внимательно выслушала Ирму, не узнав ничего нового. На прошлой работе в и так висела на ниточке из-за постоянной усталости, а теперь её будет ещё больше.

— «Ну что ж», — подумала я, глубоко вдыхая. — «Без мотивации мне не обойтись.»

Из черного портфеля я достала фотографию моей семьи: Кайн и два очаровательных ребенка. Моя шестилетняя дочь Милли Пэшонпит и трехлетний сын Алекс Пэшонпит. У обоих глазки карие, как у меня, и густые каштановые волосы, как у их папы.

— Это Ваши дети? — спросила Ирма из-за моей спины. — Какие очаровашки. У Вас, видимо, стальные нервы, раз не сдали сына в приют.

При рождении мальчика в семье, от него можно отказаться и сдать в приют. Некоторым женщинам стыдно иметь слабое звено в семье, а в приюте ему дают настоящее «мужское» образование. А именно: шитье, готовка, чтение книги «домострой», написанной Эмили Бэнкс еще много веков назад, воспитание детей.

— Как я могу сдать своего родного ребенка в приют? Хотя он и мальчик, я все равно волнуюсь за его психику.

— Мой муж вырос в приюте и у него абсолютно здоровая психика! Я, конечно, считаю, что приют полезнее, но Ваш сын — Ваше дело, — на этой ноте Ирма ушла, направляясь к своему столу.

А я осталась наедине со своей новой работой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.